

67

ПАВЕЛ БОГАТОВ

ТЫ ВИДИШЬ ЭТО? ТЫ УЖЕ В ИГРЕ

Павел Богатов

67

<https://litres.ru/73949169>

SelfPub; 2026

Аннотация

Подростковый роман, который вы переживете как на яву, превратив «six-seven» (сикс севен) из бессмысленного мема в символ осознанного побега от тотальной цифровой бессмыслицы.

Россия, недалекое будущее. В череп каждого с детства вшит нейроинтерфейс, который круглосуточно гонит в мозг «Поток» — бесконечную ленту чужого контента. Отключиться нельзя. Семнадцатилетний Марк ловит глюк: каждые 67 секунд в этом шуме мелькает цифра 67 или 6-7. Её видят только «сломанные». Они показывают ему карту «Разрывов» — мест, где нейрочип замолкает и можно услышать себя. Но те, кто создал этот шум, начинают охоту. Игра за свободу мозга становится реальной.

Книга для тех, кто хочет выключить «брейнрот» и найти себя в тишине.

Содержание

Глава 1. Брейнрот	4
Глава 2. Глитч	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Глава 1. Брейнрот

2040 год.

Марк проснулся от того, что кто-то чужой внутри его головы рассказывал, как правильно жить. Это был даже не голос — скорее ощущение, похожее на зуд под черепной коробкой, который складывался в слова, картинки, интонации, и всё это было настолько родным и привычным, насколько вообще может быть родным паразит, поселившийся в тебе с рождения. Он открыл глаза, но картинка перед ними не исчезла — поверх серого потолка его комнаты, поверх трещины, которая тянулась от угла к люстре уже третий год,плыли строки: «Ты всё ещё не пробовал новый вкус? Ты вообще существуешь, если не пробовал?» — и ниже, мельче, почти незаметно, но достаточно въедливо, чтобы зацепиться за край сознания, подпись: *Корпорация Потока заботится о тебе.*

Он моргнул. Реклама исчезла, уступив место фрагменту чьего-то смеха — короткий, истеричный смешок, вырванный из контекста, как кусок мяса. Чей-то вайн, чей-то рилс, чья-то жизнь, которую он никогда не выбирал смотреть, но которая теперь была частью его собственной головы, как воздух, как дыхание, как то, что нельзя выключить. Он моргнул

ещё раз, и смех сменился видосом: огромная девица в розовом худи, с ногтями-стилетами и волосами цвета переваренной карамели, танцевала под ускоренный ремикс песни, которую Марк слышал уже раз, наверное, тысячу, она въелась в подкорку так глубоко, что он мог бы воспроизвести её от начала до конца с закрытым ртом, и всё равно она звучала бы внутри, потому что Поток не спрашивает, он просто есть, как утренняя моча, как сердцебиение, как гравитация. Где-то на периферии мелькнул мем про черемшу — кто-то в комментариях под очередным бесполезным роликом вкинул эту дичь, и теперь алгоритм услужливо подсовывал её всем подряд, потому что черемша стала трендом, а тренды в Потоке — это не просто шутки, это команда к потреблению, и ты уже не можешь остановиться, даже если никогда в жизни не пробовал эту черемшу и не понимаешь, почему она смешная.

Марк сел на кровати. В комнате было темно, но нейроинтерфейс услужливо подсвечивал контуры предметов, чтобы он не споткнулся, чтобы он не поранился, чтобы он не остался наедине с темнотой ни на секунду. Корпорация Потока заботилась. Она всегда заботилась. С первого дня, когда тебе вживляют чип — а вживляют его сейчас всем, это стандарт, это как прививка, только глубже, прямо в гиппокамп, прямо туда, где раньше, говорят, рождались собственные мысли, — с этого самого дня ты больше не один. С тобой весь мир. Весь мир в твоей башке. И он никогда не замолкает.

— Доброе утро, Марк, — произнёс интерфейс мягким гендерно-нейтральным тоном, который, по задумке разработчиков, должен был успокаивать, а на деле вызывал ощущение, что тебе в ухо засунули мокрую вату. — Сегодня прекрасный день. Температура за окном: плюс двенадцать. Влажность: шестьдесят семь процентов. Кстати, ты знал, что...

— Заткнись, — сказал Марк хрипло, и интерфейс послушно смолк на целых три секунды, что было щедро, очень щедро по нынешним меркам, потому что стандартный тариф «Забота+» предполагал паузу только в две секунды, а у Марка был расширенный, семейный, который оплачивала мать, свято верившая, что чем больше Потока в голове ребёнка, тем он защищённее от опасного мира снаружи. Но мир снаружи давно перестал быть опасным. Опасным он стал внутри.

Три секунды тишины — и снова понеслось. На этот раз это был музыкальный блок, и Марк услышал то, от чего у него машинально дёрнулся уголок рта: «Возьми телефон, детка, возьми телефон...» — старый, почти древний трек Toxi\$ и Big Baby Tare, которому было уже лет двадцать, но Поток любил ретроволну, алгоритм подмешивал её в утреннюю ленту, потому что ностальгия повышала уровень серотонина, а счастливый потребитель — это лояльный потребитель. Потом включился новостной блок. Что-то про квоты на эмоции, про то, что уровень агрессии среди подростков сни-

зился на ноль целых хрен десятых процента благодаря внедрению нового алгоритма «Гармония», который анализирует твои предпочтения и подбирает контент так, чтобы ты никогда не расстраивался. Чтобы ты всегда был в своей тарелке. Чтобы ты всегда улыбался. Марк подумал, что если бы он мог расстроиться по-настоящему, он бы расстроился прямо сейчас. Но настоящих эмоций не было давно. Их заменяли эмодзи, которые Поток сам расставлял в твоих мыслях, как запятые, и ты уже не понимал, где твоя злость, а где просто значок злости, который алгоритм посчитал уместным.

Он встал, подошёл к зеркалу. Из отражения на него смотрел семнадцатилетний парень с лицом, которое ещё помнило, как выглядеть осмысленным. Но с каждым днём это вспоминать становилось всё труднее. Уголки губ чуть опущены, под глазами серые тени, на лбу — вертикальная складка, которая появляется, когда постоянно шуришься, пытаешься сфокусироваться на чём-то сквозь пелену чужого контента. Марк поднял руки и растопырил пальцы, глядя на свои ладони. Говорят, раньше люди смотрели на свои руки, чтобы убедиться, что они не спят. Марк смотрел на свои руки, чтобы убедиться, что они вообще существуют, потому что Поток имел свойство размывать границу между тем, что происходит в реальности, и тем, что транслируется в мозг. Ты мог идти по улице и одновременно видеть, как какой-то тип в Японии ест лапшу. Ты мог целовать девушку и параллельно читать бегущую строку о пользе витамина D. Ты мог умирать

— и получать уведомление о том, что твоя смерть набрала двести лайков.

— Марк, завтрак! — голос матери пробился сквозь слой мемов, как камень сквозь вату. Он был приглушённый, но живой, настоящий, и от этого становилось немного легче. Мать не любила Поток так, как его любил отец, но всё равно платила за расширенный тариф, потому что так было принято, так делали все, а делать не как все означало бы подвергнуть сына риску социальной изоляции, а это, как говорили в рекламных буклетах Корпорации Потока, «может привести к необратимым последствиям для психики ребёнка». Какая милая забота. Какая трогательная, оплаченная из твоего же кармана забота.

Марк спустился на кухню. Там уже сидел отец, уставившись в одну точку перед собой — он смотрел утренний дайджест, который транслировался прямо на сетчатку, и по его лицу пробегали микроэмоции: то лёгкая улыбка, то тень удивления, то снова улыбка. Он потреблял контент. Он был хорошим потребителем. Идеальным. Корпорация Потока могла бы гордиться им — если бы Корпорация Потока вообще была способна гордиться, а не просто считать охваты.

— Пап, — сказал Марк.

Отец не ответил. Он был внутри. Он был в ленте, в шуме, в бесконечном потоке чужих жизней, и его собственная жизнь в этот момент была где-то на паузе, как старый трек, который никто не хочет слушать. Марк повторил громче:

— Пап!

— А? — отец вздрогнул, сфокусировал взгляд на сыне, и в его глазах на долю секунды мелькнула растерянность, почти испуг, как у человека, которого резко выдернули из сна. — Что такое, Марк? Ты чего кричишь?

— Я не кричу. Я просто говорю.

— Ну говори тише тогда. У меня тут важное... — он не договорил, потому что важное снова засосало его внутрь, и он опять уставился в пустоту, на этот раз с лёгкой улыбкой, потому что алгоритм подобрал ему что-то приятное, что-то, что не позволит ему расстроиться. Алгоритм заботился. Алгоритм всегда заботился.

Мать поставила перед Марком тарелку с кашей. Каша была серая, однородная, идеально сбалансированная по белкам, жирам и углеводам, разработанная диетологами Корпорации Потока специально для растущих организмов, чтобы растущие организмы росли ровно так, как нужно Корпорации Потока, и думали ровно то, что нужно Корпорации Потока, и никогда не задавали лишних вопросов. Марк посмотрел на кашу, потом на мать. У неё под глазами тоже были тени, а на левом виске — чуть заметный шрам от апгрейда чипа, который она сделала месяц назад, потому что старый чип перестал тянуть новые обновления, а без обновлений ты выпадаешь из системы, становишься невидимым, а быть невидимым в мире тотальной видимости — это всё равно что умереть. Только хуже. Потому что мёртвым хотя бы не

приходят уведомления.

— Ешь, — сказала мать. — И не смотри на меня так.

— Как?

— Как будто ты меня жалеешь. Не надо меня жалеть, Марк. У нас всё хорошо. У нас расширенный тариф, у нас три канала вещания, у нас полный доступ к библиотеке эмоций. Ты знаешь, сколько людей мечтают о таком?

— Знаю, — сказал Марк тихо. — Все мечтают. Потому что им сказали, что они должны мечтать об этом.

Мать ничего не ответила. Она села напротив и тоже уставилась в пустоту, и Марк знал, что сейчас она видит: какой-нибудь милый видос про котиков, или рецепт ужина, или рекламу нового нейрочипа, который обещает сделать твою жизнь ещё ярче, ещё насыщеннее, ещё громче. Громче, громче, громче. Никто не спрашивает: а нужно ли тебе громче? Может, тебе нужно тише? Может, тебе вообще нужна тишина — та самая, страшная, запретная тишина, о которой взрослые говорят шёпотом, как о чём-то неприличном, как о болезни.

Марк доел кашу, оделся и вышел на улицу. Утро встретило его серым светом и привычным гулом Потока, который сочился отовсюду — из динамиков на столбах, из экранов на фасадах, из голографических проекций над перекрёстками. Он шёл к школе, и по дороге его обогнали три девушки — им было глубоко за тридцать, но двигались они с той особой, чуть расхлябанной грацией, которая выдавала в них поколе-

ние, чья юность пришлась на двадцатые годы. Одна из них включила музыку на внешний динамик — старый, почти забытый трек, который когда-то гремел из каждого утюга: «Самая, самая, самая...» — Егор Крид, которого эти девушки слушали ещё двенадцатилетними девчонками. Теперь Егор Крид был бородатым, староватым, но его голос всё ещё жил в Потоке как ретроволна, и эти взрослые женщины, идущие по серой улице 2040 года, на секунду возвращались в своё прошлое. Марк усмехнулся про себя. Странно устроена ностальгия — она пробивает даже Поток, даже алгоритмы, даже саму Корпорацию, которая пытается стереть всё настоящее и заменить его синтетикой. Но настоящие воспоминания не стираются до конца — они просто ждут своего момента.

Поток, словно почувствовав, что Марк отвлёкся, тут же вклинился с новой врезкой — на этот раз зацепил из совсем уж древнего: «Фотки, фотки...» — старый хит Адrenalин Хауса, который когда-то, когда Марку было всего два года, был трендом, а теперь казался археологической находкой, но Поток любил такие вещи, они создавали ощущение связи поколений, иллюзию, что время стоит на месте, а ты просто листаешь бесконечную ленту.

Домой он вернулся уже затемно. Уроки прошли как в тумане, и он почти ничего не запомнил, кроме одного: странного ритма, который пульсировал где-то на задворках сознания. Он сел в своей комнате и прислушался. За стеной, у со-

седей, пятнадцатилетняя девчонка снова мучила бас-гитару — она делала это почти каждый вечер, и Марк уже привык к этому, как привыкают к шуму дождя или вою ветра. Но сегодня она играла «Король и Шут» — «Прыгну со скалы», песню, которая была старше всех песен, старше самого Потока, старше, наверное, даже Корпорации. Тяжёлые, низкие ноты баса пробивались сквозь бетонную стену и резонировали с чем-то внутри, с тем самым странным ритмом, который Марк начал замечать только сегодня. Девочка играла и, наверное, даже не знала, что её бас-гитара звучит на частоте, которая почти совпадает с частотой скрытого протокола — 6.7 Гц, почти совпадает с тета-ритмом мозга, почти совпадает с тем, что вот-вот изменит её жизнь и жизнь всех, кто её окружает. Но она просто играла «Прыгну со скалы» в четверг вечером, и это было самое настоящее, что Марк слышал за весь день.

Он закрыл глаза. Цифра вспыхнула перед внутренним взором: 67. Белым по чёрному. И исчезла. И снова: 67. Как тиканье часов, которые никто не слышит. Как пульс чего-то, что давно должно было умереть, но почему-то жило.

Корпорация Потока заботится о тебе, — прошелестело в голове. И Марк впервые подумал: а что, если я не хочу, чтобы обо мне заботились?

Эта мысль была странной. Она была чужой. Она была неправильной. И она была его собственной — первой собственной мыслью за очень, очень долгое время.

Он открыл глаза.

Ничего не изменилось. За стеной всё так же играла бас-гитара. Где-то далеко, в других квартирах, другие люди потребляли вечерний Поток. Но внутри у Марка что-то сдвинулось — на миллиметр, на микроскопическую долю градуса, — и этого уже было достаточно, чтобы мир перестал быть прежним. Он этого ещё не понял, конечно. Он просто лёг в кровать и закрыл глаза. Но где-то глубоко, в той части мозга, которую нейроинтерфейс ещё не до конца поработил, засела заноза. И эта заноза имела форму цифры. Шестьдесят семь или «Сикс Севен».

Глава 2. Глитч

Утро следующего дня.

Школа встретила Марка запахом хлорки, нагретого пластика и чего-то ещё — едва уловимого, сладковатого, как будто кто-то пролил энергетик в вентиляционную шахту и этот запах теперь навеки впитался в стены, в одежду, в мозг. Интерфейс, как обычно, услужливо подсветил маршрут до класса: по коридору направо, мимо стенда с достижениями учеников (достижения были чужие, но лица на фотографиях улыбались одинаково — алгоритм «Гармония» не позволял им улыбаться иначе), затем вверх по лестнице, на третий этаж, в кабинет с табличкой «11-Б». Марк шёл и считал. Он делал это уже автоматически, как дышал, как моргал, как пролистывал бесконечную ленту, которую даже не пытался сейчас осознавать — она была где-то на периферии, приглушённая, но не исчезнувшая, никогда не исчезающая. Раз, два, три... На «шестьдесят шесть» он чуть замедлил шаг, а на «шестьдесят семь» — замер прямо посреди коридора, и в тот же миг цифра вспыхнула перед глазами, перекрыв реальность: 67. Белое на чёрном, как вспышка, как удар током, как короткое замыкание в черепной коробке. И исчезла. И снова начался отсчёт.

— Эй, Золотарёв, ты чего встал? Приход поймал? — мимо прошёл Костик, одноклассник, и хлопнул его по плечу так,

что Марк чуть не выронил рюкзак. Костик был из тех, кто никогда не выключал Поток даже во сне, и его глаза постоянно бегали, как у человека, который смотрит сразу десять видовов одновременно, и в общем-то так оно и было. — У тебя лицо, как будто ты Разрыв увидел.

Он заржал и пошёл дальше, а Марк остался стоять. Разрыв. Это слово прозвучало как пощёчина. О Разрывах говорили редко, в основном в новостях, когда очередной «сломаный» попадал в карантин. Разрыв — это место, где Поток не работает. Где нейроинтерфейс отключается. Где ты остаёшься один. Марк никогда не видел Разрывов. Но сейчас, глядя вслед Костику, он вдруг подумал: а что, если 6-7 — это не просто глитч? Что, если это... указатель?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.